

Анднес Ове

24.01.07.

18 — 24 января 2007 г. **13**

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

“Очарование неярко́й красоты”

С норвежским пианистом Лейфом Ове Анднесом столичная публика познакомилась в прошлом сезоне: артист выступил с РНО под управлением М.Плетнева, сыграв Концерты Грига и Рахманинова (№ 2). Уже тогда мнения разделились, и, признавая блестящий пианизм Анднеса, ему адресовали упреки в нордическом хладнокровии, которое подходит для Грига, но мало сочетается с русской музыкой. Однако темпераментный аккомпанемент Плетнева отчасти компенсировал эту особенность игры норвежского гостя, и в целом осталось впечатление незаурядности события. Поэтому сольный концерт Анднеса, состоявшийся в Концертном зале имени Чайковского, ожидался с особым чувством и надеждой на встречу с неординарным музыкантом. Тем более что его “послужной список”, включающий выступления с лучшими оркестрами в престижных залах и на знаменитых фестивалях, также настраивал на соответствующий лад.

Во время исполнения программы, куда вошли сочинения Грига, Сибелиуса и Бетховена, вспомнились строки Баратынского — “очарование неярко́й красоты”. Именно таким предстал Анднес — пианист, стремящийся к простоте, ясности, обладающий красивым звуком, но далеко не сразу и всегда устанавливающий контакт с аудиторией. Практически все первое отделение пианист чувствовал себя как-то скованно — возможно, волновался или привыкал к непростой акустике КЗЧ. И в результате Баллада Грига — композитора, за исполнение которого Анднес получил самые высокие награды, — прозвучала не очень-то вдохновенно.

Конечно, речь идет о художественных проблемах высшего порядка: о динамике формы, ощущении времени и его внутренней пульсации в сочинении. Баллада у Анднеса распалась на калейдоскоп эпизодов, и не покидало ощущение затянутости исполнения. Интереснее прозвучала Соната № 31 Бетховена — в ней раскрылись индивидуальные особенности манеры Анднеса, который не ищет подтекстов и новых прочтений, а пытается просто погрузиться в зву-

ковую атмосферу бетховенской музыки. Пусть такая интерпретация субъективна, однако эти намерения пианист воплотил очень точно и по-своему был убедителен.

После антракта (как это часто бывает) пианист выглядел гораздо более раскрепощенным. Он сыграл симпатичную подборку фортепианных пьес Сибелиуса — совершенно неизвестный у нас пласт его творчества. Кстати, было бы неплохо в таких случаях помещать в программку краткие аннотации, содержащие хотя бы исторические сведения о редко звучащих сочинениях.

Из сотни миниатюр разного достоинства (именно столько написал Сибелиус за свою жизнь) Анднес выбрал семь. Три пьесы из цикла “Кюллики”, Элегия, Этюд, “Березы” — сочинения, где Сибелиус предстал не только как сказитель финского эпоса, но и как автор салонных опусов романтического толка. Завершила этот ряд Баркарولا — наиболее развращенная и драматичная пьеса, чей мрачный колорит напомнил траурные гондолы из фильма “Смерть в Венеции”. Наверное, именно в момент звучания этой пьесы у пианиста установилась та обратная связь с залом, в результате которой артист увлекает свою аудиторию, становится (хотя бы на миг) ее безоговорочным властителем.

Многое понравилось и в Сонате № 32 Бетховена, особенно в финале второй части, хотя манера играть длительные участки сочинения одним звуком, не меняя динамики, иногда приводила к статичности. Тем не менее мистическое звучание трелей в верхнем регистре и постепенное угасание музыки очень удалось Анднесу. А для транскрипции органной прелюдии Баха фа минор, сыгранной на бис, мышление длинными звуковыми линиями оказалось точным попаданием в стиль. Так что захотелось услышать этого пианиста и в старинном репертуаре, пусть даже с программой венских классиков XVIII века. Думается, что его туше, отличающееся от традиций певучей игры русской школы, его темперамент очень бы подошли к стилю той эпохи.

Евгения КРИВИЦКАЯ